

Космонавт Михаил Тюрин: Героизм может быть незаметным

Встретиться с космонавтом мечтает каждый. И такая встреча состоялась у юнкоров Клуба православных журналистов «Стриж» на приходе Георгиевского храма в Ивантеевке – они побывали в гостях у Героя Российской Федерации, лётчика-космонавта РФ, звонаря Михаила Тюрина.

Михаил Владиславович Тюрин

Герой Российской Федерации, лётчик-космонавт РФ

количество полётов в космос - 3

время нахождения на орбите - 532 суток

выходов в открытый космос – 5

Наш разговор с Михаилом Тюриным начался с заданной им загадки: как приложиться ко кресту, венчающему купол храма на 40-метровой высоте? Ну как? Стать альпинистом-виртуозом? Подлететь к кресту на каком-либо летательном аппарате? А Михаил Владиславович светится в улыбке: да на земле! Сам он так и сделал, когда купол и крест освящали перед водружением на строящийся храм Новомучеников Ивантеевских. Теперь, поднимаясь на колокольню, он оказывается почти вровень с куполом, и свет золотого креста как-то по-особому согревает ему сердце.

Много интересного рассказал нам легендарный космический долгожитель, знакомя нас с территорией храмового комплекса, и даже позволил нам попробовать себя в роли звонарей. И совершенно незабываемым был сам разговор за чашкой чая.

- Михаил Владиславович, как вы пришли в космонавтику? Это было детской мечтой или просто стечением обстоятельств?

- Наверное, об этом можно рассуждать лишь в рамках атеистического мировоззрения. Человеку не дано знать волю Промысла Божия. Я, признаться, с недоверием отношусь к позиции людей, которые говорят, что поставили перед собой цель и неуклонно к ней стремятся, преодолевая препятствия. Такие люди и по головам пройти могут. В то же время игнорировать Божий Промысел – грех. Так что отвечу на ваш вопрос просто, что всё произошло естественно и не противоречиво. Я работал в космической отрасли, рос в своей квалификации, понемногу брал на себя некоторые административные функции, занимался научными изысканиями. Как инженеру мне хотелось попробовать всё

своими руками, увидеть, как мои разработки будут вести себя на практике. А деятельность космонавта как раз и даёт такую возможность.

- А почему изначально вы выбрали профессию инженера?

- Я рано почувствовал, что в восприятии окружающей действительности чаще опираюсь на логику – технарь, одним словом. Мне тяжелее давались гуманитарные науки, а вот физика, математика всегда шли легко. Было очевидно, что своё будущее надо так или иначе связывать с точными науками, техническими дисциплинами. Поэтому и пошёл в МАИ. Зато сейчас я гуманитарий *(улыбается)*. Видимо, восполняю то, чего не добрал в юности.

- А каким вы были в 14, в 16 лет – помните? Каким вы ощущали мир в то время?

- Прекрасно помню! Я тогда был страшно увлечён спортом, занимался в спортивной школе: тренировки шесть раз в неделю, постоянные соревнования. Параллельно мощным потоком бурлила любовь к физике и к математике – там тоже олимпиады, большие задания. Всё это было очень трудно совмещать, но всё вокруг этого крутилось. Кроме того, у меня Танька ещё появилась.

- Ваша первая любовь?

- Ну, сегодня это моя жена. А тогда – да, первая любовь. Словом, свободного времени у меня совсем не было, я просто чувствовал, что надо много трудиться, и моя ракета шла по заданной траектории.

- В один прекрасный день вы впервые надели скафандр и оторвались от земного притяжения, а потом вернулись на землю героем. Наверное, с тех пор ваша жизнь поделилась на до и после. А что-то изменилось в вашем мироощущении?

- Ну конечно! Мне повысили зарплату! *(смеётся)*. А если серьёзно, то полёт в космос стал просто событием, лежащим в русле моего профессионального развития. Если бы, к примеру, меня сняли с полёта, то это было бы неприятно, но тоже было бы из области предполагаемого. Но я к полёту шёл шесть лет, и всё сложилось. А после двухмесячного отдыха меня зачислили в состав новой экспедиции.

- Но разве звание Героя России можно поставить в один ряд, к примеру, с получением очередного воинского звания?

- В моём понимании эта золотая звёздочка – повод порассуждать не столько об уровне профессионализма, сколько о нравственности. Для меня это скорее обязанность, нежели радость. Это некий аванс, который напоминает о необходимости соответствовать, причём каждый день, в том числе в быту, в транспорте, в магазине, где тебе могут нахамить, - везде. Всегда помнить, что тебя удостоили самого высокого звания, которое существует в России. Впрочем, ничего особенного. Обычная позиция православного человека... ниже средней степени воцерковленности.

- В вашей жизни был человек, кого вы могли бы назвать героем, с кого вы брали пример?

- И не один. Взять хотя бы настоятеля нашего храма иерея Алексея Барашкова – разве не героические его усилия по строительству храма, по организации жизни прихода, где действуют хор, православный театр, школа звонарей, воскресная школа для детей и взрослых? Я, когда ушёл из космоса, стал в храме помогать как инженер – тут таких задач хоть отбавляй. Но однажды батюшка благословил меня стать звонарём – и я не смог отслушаться. Потом естественным образом и школа звонарей появилась. Мы и хоккейные турниры проводим, и мастерство парашютистов осваиваем.

А ещё был в моей жизни человек, которого я никогда не забуду, за которого всегда молюсь – это преподаватель английского языка в нашей группе космонавтов. Скромный, интеллигентный человек, неприметный герой, много раз выполнявший приказы, связанные с риском для жизни. Он оказал на меня огромное влияние.

- А герои Великой Отечественной войны?

- Разумеется. Мне не надо было далеко ходить – я вырос рядом с дедом, который, будучи кремлёвским курсантом, прошёл всю войну от начала до конца с двумя перерывами на лечение в госпиталях. Сейчас, общаясь с внуком, я стараюсь быть похожим на него, быть его достойным. Отец моей жены, мой тесть, тоже воевал с Японией, был разведчиком. Вот у вас сейчас мода на японские мультики – а спросите, кто из нынешней молодёжи готов врукопашную сразиться с японскими каратистами? А наши разведчики на такие поединки выходили. И побеждали.

- Михаил Владиславович, вы не раз выходили в открытый космос – это требует огромной силы и мужества, умения преодолевать страх. Там, в бесконечной тьме, вас не посещало чувство богооставленности? А может, наоборот – вам

удавалось выполнять работу невероятной сложности, потому что на высоте вы были ближе к Богу?

- Знаете, меня как звонаря время от времени просят помолиться за кого-то на колокольне – именно из этих соображений. Может, это шутка, может, непонимание, а возможно, пусть невольная, провокация. Близость к Богу всё-таки не геометрическими параметрами определяется. Бог у нас — вот где (*прикладывает руку к груди со стороны сердца*). А как уж Он там размещается – об этом я не берусь судить. Можно ведь находиться в храме Христа Спасителя и быть богооставленным. А работа на высоте сама по себе экстремальна: за несколько часов выхода в космос космонавт теряет килограммы веса! Там уже не до страха – нужно суметь мобилизоваться и выполнить задачу.

Был такой памятный для меня случай. Во время одной из экспедиций долгое пребывание на МКС мне уже порядком надоело. Наши со станции уже улетели, я остался один с американцами, к тому же Страстная Седмица... В это время ЦУП по традиции организовал для нас сеанс прямой связи с Патриархом Кириллом. После тёплых слов в наш адрес Первосвященитель, перейдя неожиданно на домашний, отеческий такой тон, спросил:

- Ну, а живёшь-то ты там как?

Я откровенно и ответил: подустал, мол, по дому соскучился. И вдруг, вместо ожидаемых слов утешения, прямо как гром среди ясного неба:

- А иконы-то у вас там есть?

- Так ведь, как не быть? Есть иконы!

- Ну, а Богу-то ты там молишься?

- Так ведь, как без этого? Молюсь в меру своего радения. И за Вас, Ваше Святейшество, каждый день в утреннем правиле.

- Не оставляй этого! Ты не представляешь, как мне порой тяжело бывает. Мне очень нужны ваши молитвы...

Вот как. Святейший Патриарх меня, грешного, просит о молитвенной помощи! А вы говорите, высота... Не километрами над землёй, не размером чиновничьего портфеля мы сильны. Сила в нашей вере, в том, что мы насквозь пронизаны нашей взаимной молитвой, взаимной ответственностью, взаимной любовью. А Божьей помощью никто не

обделён, просто мы всегда её недооцениваем. Потому что ПЕРЕоценить мы её не в состоянии.

- Ваша любовь к занятиям фотографией родилась оттого, что красота земли видится из космоса совсем по-иному?

- Я бы не стал сравнивать. Красота ведь в глазах смотрящего. Хотя вид земли из космоса, конечно, потрясает. Тут масштабы иные, такого даже с самолёта не увидишь. Причём всё открывается в динамике: полгода проводишь на орбите, каждый день смотришь - и всё время что-то новое. Удивляешься, радуешься, а потом вдруг приходит чувство стыда: надо же делиться! Так и начал фотографировать, устраивать фотовыставки. Хотя, конечно, главное в этих выставках – не ракурс и не цвет. Скорее, это потребность бить в набат, напоминая людям о том, что мы являемся частью мироздания, что несём ответственность за то, как относимся друг к другу, как выполняем свою работу – за всё. И чем дальше от Земли – тем острее это ощущаешь. Большое видится на расстоянии.

Вопросы задавали Алексей Кислов, Мария Ганина, Мария Денисенко